

автор текстов Марина Куновская
автор иллюстраций Светлана Ветрова

S

e

c

o

n

d

На **Н**а **Н**а

тексты
в буквах
с картинками

Вітально ад аўтара,

з наваздай

S
e
c
o
n
d

автор текстов
Марина Куновская
автор иллюстраций
Светлана Ветрова

ТЕКСТЫ В БУКВАХ С КАРТИНКАМИ

МИНСК

"Виноград"

1998

УДК 882(476)-1
ББК 84(4Бел-Рус)6
К 91

Графика Светланы Ветровой.

Автор благодарит редакцию альманаха "Монолог"
за техническую и консультативную помощь.

Куновская М.

К 91 Second Hand: Тексты в буквах с картинками:
Стихотворения. — Мн.: ООО "Виноград", 1998. — 80 с.

ISBN 985-6399-15-7

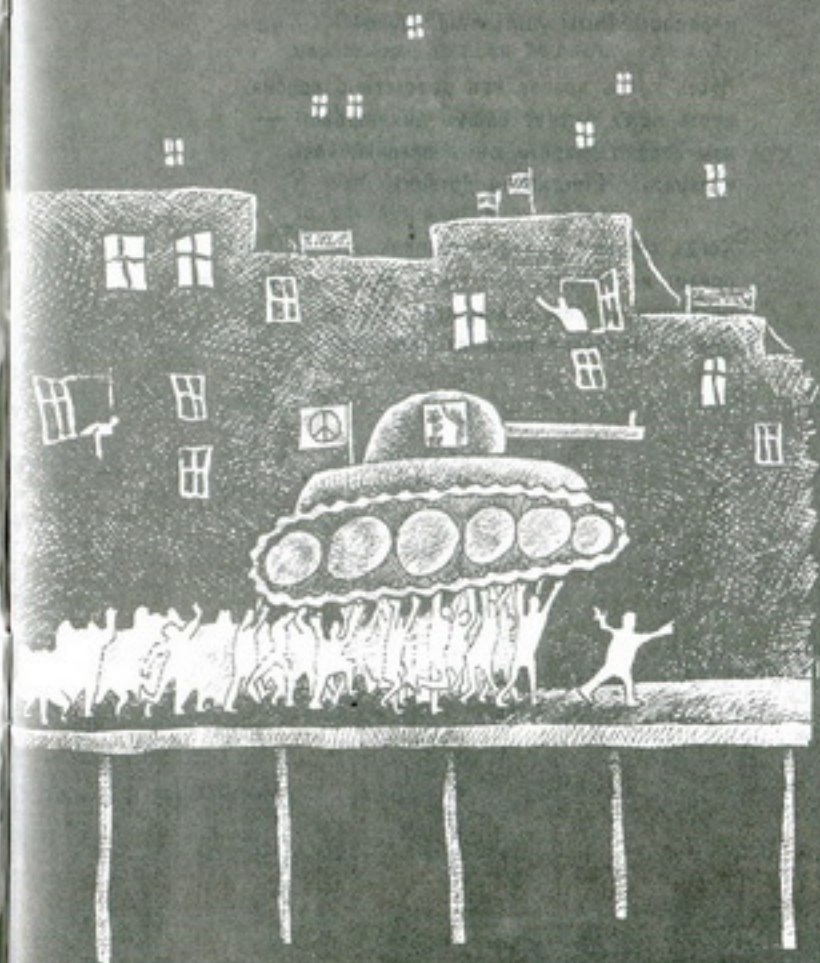
УДК 882(476)-1
ББК 84(4Бел-Рус)6

ISBN 985-6399-15-7

- © М.Куновская, тексты и оформление, 1998
- © С.Ветрова, иллюстрации, 1998
- © "Виноград", 1998

Посвящается
отечественному
книгоизданию

ПАРОВОЗ

ПАМЯТИ БОЕВЫХ ОТРЯДОВ

Мы не напрасно прожили свой век:
"Ура!" — кричали, мучались в застенках,
шли стенкой на стреляющую стенку, —
и увозила "скорая" калек.

Кому из вас, творящих в тишине
любимые народом мемуары,
знакомо торжество перед пожаром
и радость быть убитым на войне?

Пусть кровь врагов нам родственно красна,
пусть ложа пахнут общим дихлофосом —
нам сладко гладить юных пленниц косы
и верить: не погибнем дотемна.

Когда смурной и тихий человек
придет и спросит: "Что ты в жизни сделал?" —
поднимемся всем домом престарелых:
"Мы не напрасно прожили свой век!"

...

Мой танк уютен и человечен:
цветной фланелью обиты кресла
и в меру пульт приборный подсвечен,
и четко виден прицельный крестик.

В кабине танка — свежайший воздух
и гул мотора почти домашний.
Он объезжает цветы и гнезда,
миролюбиво вращая башней.

Я днями люка не открываю —
так здесь удобно, тепло, привольно...
И если даже мой танк стреляет,
то убивает совсем не больно.

ПЕСНЯ

Блин в животе превратился в затирку,
пуп развязался до кругленькой дырки,
глист через дырку ушел на свободу, —
плохо живется простому народу.

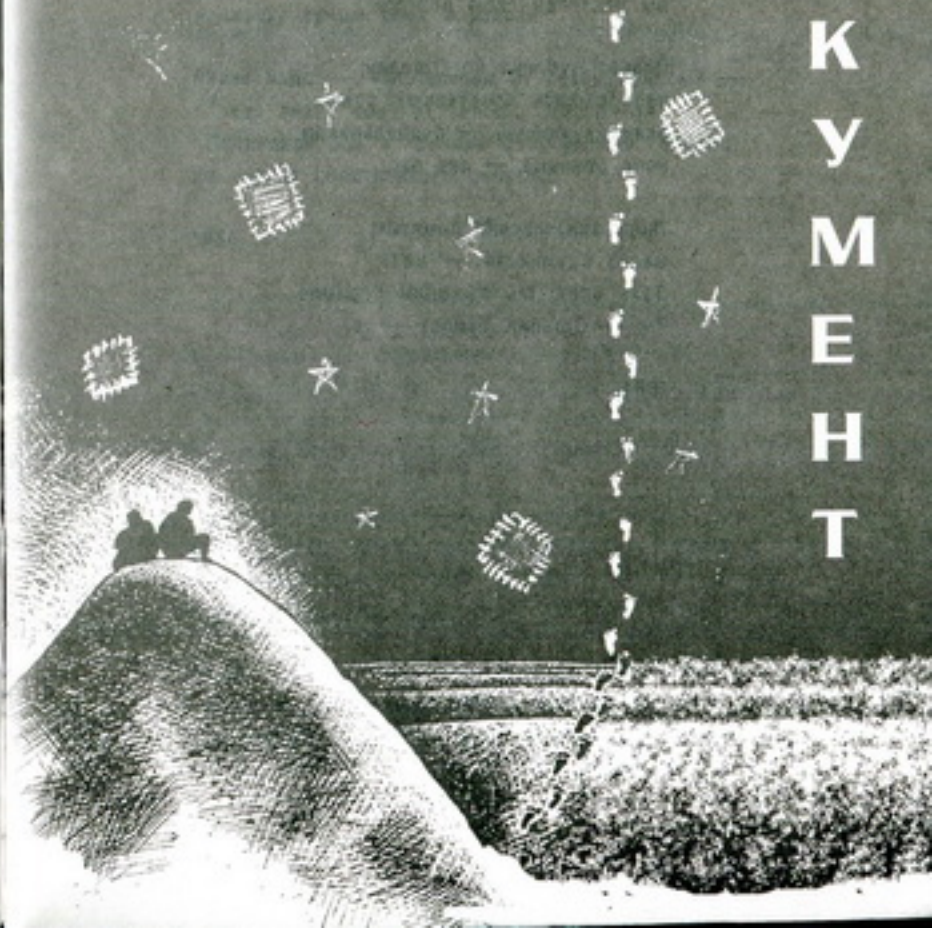
Булки в окно улетают на запад,
водка давно потеряла свой запах,
плачет народник о бедной природе, —
плохо живется простому народу.

В небе уже не видать полугаев,
нас психбригадою не испугаешь —
в новое тесто насыплем мы соду.
Плохо живется простому народу!

Посвящается моим знакомым

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

Д
О
К
У
М
Е
Н
Т

ТЕАТР

Вдохновитель

По сигналу под слоем краски
напряженно дрожит щека,
и уносит венок пластмассовый
нарисованная река.

Не выматывайся, красивая,
хватит дела для сильных тел:
под твою последнюю ивою
мы постелем свою постель.

Плачет публика по Офелии,
возвращаясь в вечернюю грязь:
роковая любовь — бездельникам,
ночи роковые — для нас.

Лица зрительские помятые,
маска вдумчивая — моя.
Зала вдох. Мы выходим к рампе.
Ты — Офелия, Гамлет — я.

1984.

ПЕВИЦА

Короткая добротка из гирбинки

Послушайте меня, про сцену с рожденья мечтавшую:
для любых песен — моя охрипшая глотка.
Главное — хлопайте искренней, сильнее и чаще —
я спою под кого угодно.

Попросите — под Пугачеву,
похвалите — под Шаляпина,
а заплатите — под собаку и под ворону.
Уверю вас: сразу за животики схватитесь,
я смешу лучше всех в районе.

Разве надо — чтоб дыбом от песен волосы? —
я ведь знаю: концерт запьют самогонкой.
...Последний раз я кричала собственным голосом
на могиле собственного ребенка.

1985.

ПЕЙЗАЖИ КЛАДБИЦА

Школе юного философа

I
Снег ветром с холмов надмогильных сорван,
кресты склонились к реке,
и санки скользят на кладбищенской горке
лучше, чем на катке.

II
Небеса бесконечно-синие
сквозь безмолвно-зеленый лес,
а перед ними —
длинный
черный надгробный крест. —
Правда, красиво?

III
Торжественный шрак. Ни звука.
С деревьев течет за шиворот.
Согремся — на могилках
расставлены полные рюмки.

1985.

ВЗРАСТ УХОДЯЩИЕ

Экзистенциальном разном мире

В полную тьму нас назовут "темные люди"
те, кто, дрожа, смотрят в окно нам же под ноги.
В темных плащах сходим одни с темных порогов
(в полную тьму самый седой светлым не будет).

Пусть побыстрее дым очага ветер уносит.
Кто не ушел — солнце рисуй желтою краской.
Сразу не жди, что принесем свет настоящий:
жившим во тьме и фонари светят, как звезды.

В наших домах нас проклянет чистая совесть:
тем, кто идет, вместо костров часто пожары.
Что нам родня? — ямы себе выроем сами:
знаем — вдали внукам горит ясное солнце.

НАШЕДШИЕ

Преподавателям разном мире

Да, каждый день падает свет с неба на крыши,
только какой в теплых домах прок нам от солнца?
В идолы взять? — сильно печет, пятен не вытрешь.
Дом освещать? — нет, велико, лампа удобней.

Те, кто нас знал, мимо глядят, прячутся дети:
битых, как мы, вслух называть братьями трудно.
Шрамов рубцы четче видны в солнечном свете —
мелочи смыть тьме лишь дано: ночью мы люди.

Солнце зайдет — лампу включи — и гениален:
можешь творить новый проект лучшего неба.
Если устал — кнопку нажми: свет не для спален.
...Снится нам мир, где вместо звезд лампочки светят.

1985.

ИЗ ПЕРВОБЫТНЫХ СТИХОВ

Посвящено брату

I

Я отстал от своих: зверь задел меня сонной лапой,
и товарищи сразу убежали его догонять.
На ноге моей — те же горячие темные капли,
что сползали со шкуры убитого мной кабана.
Мы с деревьями вместе от боли тихонько стонем,
желтоглазая ночь шлет нам сверху сочувственный взгляд,
желтоглазая рысь с ветки вниз глядит напряженно —
я отстал от своих, мне не надо ее убивать.

II

Нет, добычи не будет: я иду по замерзшим следам —
отпечаток ступни к отпечатку копыта повернут.
Вижу: темною ночью к незнакомым, далеким лесам
парень с другом-оленем путь спокойно сверяют по звездам.
Просто так —

мне приятно нюхать солнцем пропитанный лед —
я дойду до конца. Будет снег на поляне красным,
и веселый охотник, разрезая оленю живот,
надо мной посмеется. А потом угостит меня мясом.
Я согреюсь от крови и вернусь теплым полднем домой.
Снег подтает в следах и покроется коркой под вечер.
Брат следы разглядит и подумает: узкой тропой
шли два друга с оленем. Я смолчу: пусть себе он поверит.

1986.

ПРЕДРАССВЕТНОЕ

Ольгинская

Но утро настанет и вновь петухи запоют,
и люди проснутся, опять неподвластные горю,
и юноши начисто жить соберутся еще раз,
и небо забудет вечернюю рану свою.

Под хор петушиный детей навешавшая мать
вернется в могилу. Все добрые духи исчезнут.
И новый предатель, услышав старинную песню,
поймет, что отныне не надо ему предавать.

Захлопают крылья — и согнет перинный уют,
ручьи побегут и сильнее тюльпаны запахнут.
Мир ночью погибнет. Но утром над островом Пасхи
поднимется солнце и вновь петухи запоют.

26.4.1986.

НА ХОЛМЕ

Мученикам переходного возраста

— Может, здесь насовсем остаться? —
камни теплые, влажный воздух,
у соседей глаза голубые,
а уставшим легко заснуть.
— Лишь однажды на лунных пашнях
расцветают черные розы,
лишь однажды ночное солнце
освещает завтрашний путь.

— Но послушай: в глубокой чаше,
на тропинке, заросшей мятой,
не встречалась тебе старуха —
руки тощие, сонный вид?

— Я такого же старца помню.

— Как ты думавшь, им понятны
были наши бессвязные речи?

— Ну конечно, ведь холм — стоит.

— Так идем по домам? А как же
моря близкого запах терпкий
и над пропастью нас качавший
полусгнивший плетеный мост?

— Мы оставим себе на память
красный шар над остывшей степью,
а про море вода нам скажет,
лес вернет нам зеленый мох.

— Что же дальше?

— Нас о походе
видно, спросят родные; "Скужа!", —
им ответим; цветы на клумбах
зацветут в городском саду;
встанет солнце; за горизонтом
разглядим: смешливые внуки
окровавленными ногами
по холмам на восток идут.

1986.

Лионелли Мюссон

На бетонном полу вокзала растянулся мой старый плащ,
и мои салоги размокшие, как живые, внизу торчат —
мне одежды теперь не нужно, мне отныне открылся пляж:
мой купальник самый хипповый и мозги пролекает солнце.

Салоги, как когда-то ноги, перешагивает, спеша,
пассажиров разная обувь, уезжающих по домам,
и страницы книг недочитанных в привокзальной урне лежат,
а на пляже идет купанье, очень теплые в море волны.

На плаще заштопаны шрамы от теней ночных проводов:
это больно, когда дорогу переходишь под фонарем.
Я забуду, что возле моря мчался пес, не встречая следов —
поднимите мой плащ: из ветоши можно сделать штаны для панка.

1987.

Мы вчера шли в кино, а потом возвращались назад:
у высокой витрины продавали тяжелые книги —
много тонких страниц к солнцу лез по горам виноград,
много длинных терцетов пыльный луч трепетал на веригах.

Фильм был странный:

в подвальной, ресторанной, безоблачной мгле
мальчик жадно смотрел в круг чужой и насмешливой силы
и девчонка от крыши к обезлюдевшей черной земле
так красиво летела — мы считали, что слишком красиво.

Мы брели вдоль домов, что-то громко внушая себе,
под дырявым навесом долго пили коричневый кофе:
взгляды в небо ползли по кривой водосточной трубе,
из окна на девятом давний друг помахал нам рукою.

Я пока что не знаю, как сказать вам всю правду о том,
что вчера теплый снег на щеках наших медленно таял,
и хотелось смеяться и снимать на бегу пальто, —
но дознаюсь. А друг наш умер ночью. Он был очень старый.

1987.

Все сроки вышли. Бесполезны встречи.
Хотите — продолжайте наш поход:
ходьба от скуки и молчанья лечит.

Вам вспоминать приятнее восход,
считать свою поляну лучшей в мире
и страшным — лес, что впереди растет?

Прощайте! Наше небо — взглядов шире.
Лежите, шевелитесь в полусне
и повторяйте: дважды два — четыре.

Нам снится луг, где зеленой вдвойне,
мы верим: есть цветы понятней строчек,
и птичий говор — медных труб слышней...

Нам долгий путь покажется короче
в блаженстве незначительных бесед:
в незнаемых лесах прохладно ночью! —

А вам на завтра выпадет рассвет.

1987.

ВСТРЕЧА

Романовская повелючий

Мимо пьяных фрегатов — белый, будто из райских вод,
мимо сонных людей, что молиться и плакать не смеют,
он идет, как по нитке, по гребням дрожащих волн —
наши карты надежны, мы забыли смешные приметы.

Ближе, призрак усталый! — чтобы всем нам вскочить с колен,
чтобы взгляды на миг оторвать от залепанных палуб...
На границе с туманом оставляя солнечный след,
он идет без матросов, и прозрачен сияющий парус.

Вдоль нетленных канатов — глаз голодных предсмертный блеск,
из воды за кормой поднимаются серые шеи —
исхудалые крысы плывут с других кораблей:
на Летучем Голландце не бывает кораблекрушений.

1988.

Родни не дождавшись,
несли по деревне
почившую в прошлую ночь
невесткиной тетки по сводному брату
двоюродной бабушки дочь.

Старуха болела четыре недели,
и к ней не ходили врачи,
а в доме напротив

холодную ночью
спят крепко — кричи не кричи.
Шагали соседи, и ящик качался
на длинных костлявых плечах,
и тело по доскам скользило рывками,
за гвозди цепляясь в углах.

Но я никогда не видала живую —
а мертвой уже не помочь —
невесткиной тетки по сводному брату
двоюродной бабушки дочь.

1988.

Девственникам

Миллионною улицей талого снега,
не смешавшись еще с городской толпой,
помогая друг другу пройти через грязь
и шагов за спиною почти не боясь,
глядя с тихой печалью на тех, кто по пояс,
глядя гордо и прямо на тех, кто до неба...
(Но потом я спрошу тебя: ты не забудешь взгляд черноглазой птицы?)

Вдоль широких проспектов горящей рекламы,
где, ссутулясь, жуют пирожки дирижеры,
а за стенками спят параллельно земле
или режут к столу одинаковый хлеб,
где в театрах смеются и охают хором,
и всегда недосуг заниматься делами...
(Но зато мы узнать умеем запах осени и зимы,
только запах лета еще не успели запомнить.)

Возле самого леса, в холодной квартире,
заедавая блинами бульон подогретый
и листая хозяйский семейный альбом,
где на снимках смеются вдвоем и втроем, —
пробегаешь глазами портрет за портретом,
где себя непременно придется найти нам...
(Но едва над исправною лампой, как водится, свечи зажгут,
мы выйдем в кухню, чтобы опять посмотреть на улицу,
которую черные кошки переходят только на красный свет.)

1988.

СТИХИ О ХОРОШЕЙ ДЕВОЧКЕ

Подругам из кружка английского

Мне сулила толстая нянька,
колыбель качая мою:
— Будешь жить ты, как фараонка
в специальном райском краю.
Никакой поэт не опишет
вкус обычных твоих котлет,
и построит тебе папаша
дом красивый, как райсовет,
и в любую минуту сможешь
в магазине купить, что хошь,
и любого пижона мужем,
лишь мигнешь ему — назовешь.

Но не знала толстая сволочь,
заслонившая пузом даль,
что растит нас семья и школа
патриотами главных дел.
Нам дорога вперед дороже,
чем набитый шелками шкаф —
я поеду по бездорожью,
я возьму на откорм бычков.
Заживу красиво и честно:
буду прямо на ферме спать
и народные гордые песни
в клубе дважды в неделю петь.

Пусть посмотрит глупая нянька,
как я мясо стране даю.
Пусть котлеты жрет иностранка —
мне прекрасней в общем строю!

Люблю ракетки отточенный жест,
бассейн холодный и школу йоги —
некоторые девочки любят поесть,
но у них бывают толстые ноги.

Конечно, полезно ложку икры
или стакан земляники летом...
Некоторые девочки любят курить,
но потом у них будут больные дети.

Уж если такой чувствительный нос,
то лучше нюхать свежие розы.
Некоторые девочки любят вино,
но они сопьются и все их бросят.

Пить только соки есть тьма причин —
и лучше яблочный, чем ананасный.
Некоторые девочки любят мужчин,
но я слыхала — так рано опасно.

Люблю под вечер открыть тома
Федор Михалыча, Жана-Поля —
некоторые девочки любят Дюма,
но мама сказала, что это пошло.

1989.

СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ НОЧЬЮ, ВО ВРЕМЯ ДЕЖУРСТВА

Поклонникам русской литературы

Мама кушает спагетти,
папа кушает спагетти,
мальчик кушает спагетти,
набивая полный рот.
Только бабушка в берете
позабыла про спагетти,
прокликает все на свете
и массирует живот.

А у папы на работе
есть хорошенькая тетя,
а начальник папы в моде
и при ордене притом,
но, оставив все заботы,
словно птица на свободе,
папа кушает спагетти,
запивает молоком.

А у мамы стирка дома
и еще работа кроме,
маме нужно сэкономить
три рубля до лучших дней,
рядом мальчик незнакомый
ищет в шапке насекомых, —
мама кушает спагетти,
потому что вкусно ей.

Лишь у бабушки в берете
все дела идут как надо:
фрукты с яблонь стали падать
и ложиться на порог, —
отчего ж она не рада,
отчего, сверкая взглядом,
отказалась от спагетти,
словно праведный пророк?

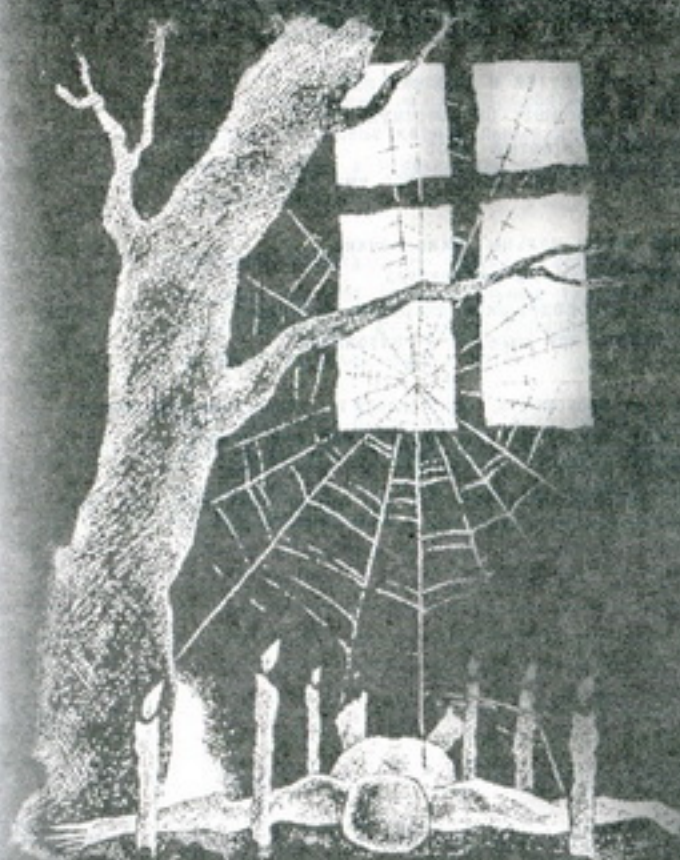
1989.

Посвящается моим собеседникам

НЕПОЛНОЕ

С
О
Б
Р
А
Н
И
Е

ИИИЭНИИЬОЭ

АМИНАЗИНОВЫЙ СТИХ

Игорь Пастухов

Шуты смеются на похоронах,
хоть им самим их смех уже не нужен,
но брат из тех, что встали с черных плах,
быть может, завтра станет с ними дружен —
чтоб громче плакать на похоронах.

Шуты на свадьбах горько слезы льют,
хоть что здесь плакать: дело молодое, —
но те, что приподнялись над водою,
быть может, тихо плачу подпоют —
и каждой паре будет дан уют.

Шуты крестины могут и проспять.
Да как проспять? — ведь это же не утро!
Но пусть ответит, кто назвался мудрым,
зачем шутком решили называть
того, кто и крестины мог проспять.

1990.

Мам, кто дочитал досюда

У обезьяны такие надбровные дуги,
что скоро она заговорит по-китайски,
но мои подружки
не боятся доверять ей сердечные тайны.

У слона такой крутой и высокий лоб,
что скоро он напишет бессмертную поэму,
но даже самый отпетый жлоб
не думает, что своим видом даст ему тему.

У летучей мыши пальцы такие тонкие,
что любая музыка им подвластна,
но пианист, отгородившись очковыми стеклами,
считает: играть при мышах — безопасно.

И только я — низколобая, короткопалая и с гладенькими бровями —
тщетно жду какого-нибудь наставления или совета,
может быть, потому, что учителя нет меж нами,
а может, учитель не знает, как вот такой объяснить все это.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Вечным студентом

В переполненном море давно не сыщешь прохлады,
утомленно дрожат подстриженные кипарисы,
мы пьем молодое вино, присев у ограды
виноградника имени Диониса.

Нагие тела рядами лежат на соседнем пляже,
затишают на сцене карнавальные пляски,
мальчишки дуют в трубы, один из них даже
мастерит бумажную маску.

Комбайны работают — урожай хороший,
безумцы глотают успокоительные таблетки,
бомжи тянутся к югу, песок горячий
остывает до следующего лета.

Наши бабушки были женами беспутного виноградаря,
наши деды его прославили в тавернах Афин и Рима,
мы спорим об ударении, чтоб оно правильно падало
на его веселое имя.

ЧИТАЯ ГРИНА

Провалившись на вступительном

Не зря ожидаю — тебя я узнаю:

креол ли, испанец.

Пути наши рядом, ловлю тебя взглядом:

привет, чужестранец.

Стоит на причале, расцвечена алым,

твоя бригантина.

Надолго запомнишь мелькание комнат

и запах жасмина.

Запомню навеки нездешние реки

и цвет океана,

широкие плечи, невнятные речи —

как в старом романе.

Мелькнет спозаранку кровавая тряпка —

наш парус венчалый.

Вернемся, проснувшись, ты — в лавку мясную,

я — к шлюхам вокзальным.

К БУРЕНКЕ

Ударника брига

Идя под кнутом по деревне

и в поле встречая быка,

гордись, что даешь ежедневно

по два ведра молока.

И, под ножом успокоясь,

ты все ж оставайся горда,

что вкусным будет жаркое

из мяса возле хребта.

Анониму Андрею

Будет речка и лес, как в классическом дачном романе,
будет скатерть-газета с портретами важных особ.
Мы тридцатку на свечи отдавать пустосытям не станем:
помолись о забытых и пойдем по березовый сок.

Мы умеем молчать, понимать и прощать с полуслова,
нам осталось немного: лишь взглянуть друг на друга посметь,
и олять наблюдать, как бредут на восток рыболовы:
дай им, Боже, удачи, дай улову недолгую, легкую смерть.

Долгожиелья

Когда-нибудь у меня будут корни,
большие и черные.
Когда-нибудь у меня будет право
подумать: "Это моя держава".
И стукнуть о ствол сухой веткой,
доказывая пришлому ветру,
что очень почтенно и мило
стоять всю жизнь над могилой.

Я мимикрирую — это надо уметь:
слиться с природой и не попасться в сеть
тел пожирателей и уловителей душ —
небо со мною, скоро совсем пропаду.

Яркие, пестрые — ваша участь легка:
хищной окраской звать на бой чужака,
мне же досталась невыносимая честь —
вечно доказывать даже себе, что я есть.

Так напрягите же зренья и, главное, слух:
голос меж веток — это не бог и не дух,
кто посмелее — попробуй меня побороть:
кровью окрасить прежде незримую плоть.

Мне расти и расти до уборщицы Клавы:
в полчаса убирает она магазин,
а затем надевает белоснежное платье,
и везет на визиты ее лимузин.

Как она светлоока, как она златоглава:
под золотыми волосами — бриллианты ума.
Канта с Гегелем знает уборщица Клава
и японский язык изучила сама.

Над страной разносится добрая слава,
в каждом доме мечтают о гостье такой:
разрешишь все вопросы уборщица Клава
и болезни разгонит милосердной рукой.

В трудной речи японской разбираюсь я слабо:
ударенья не слышу, ускользает глагол —
но сумею и я иероглифом "Клава"
в магазине украсить чисто вымытый пол.

• • •

Породный писабелан

Провожали — плакали:
небо черное,
был мальчонкой-лакомкой —
станешь вороном.

Провожали — думали —
в страны дальние,
где дерутся с пумами
рядом с пальмами.

Ты вернулся затемно,
крикнул весело:
вы мне небо застите,
деревенщина!

Побежали прятаться
от нагаечки —
вспоминали пряные
губы мальчика.

И в кровавом мареве
не заметили,
как тебя измаяла
муть рассветная.

Ворон в тучу вклинился —
черны крылышки.
А в смазливом личике
ни кровинушки.

• • •

Модификация англоязычной музыки

Встает луна. Горят прожектора.
Звенит трамвай. Поет мелиоратор.
И ротор трется о холодный статор,
и снова кровью брызгает экран.

Не спим — плывем, куда несет волна
бесцветная, сухая, выхлопная.
Но тот, кого сегодня доконают,
назавтра оттолкнется ото дна.

Шумят леса за городской чертой.
Шумит толпа, стекая в рестораны.
Тебе налево? — Значит, мне направо.
Тебе домой? — И мне пора домой.

Живи один, забыв про гололед,
пиши стихи, рассказы и романы —
и, может статься, Альбион туманный
тебя простит, оценит и поймет.

Одиночки мужская

Как пылают в печи поленья:
дуб, береза, сосна и ель!
Карло отдал распоряженья
ужин съел и пошел в постель.

Мы — лишь слуги. Пасти скотину
да кухарить — вот наш удел.
Ну а вырезать Буратино
наш хозяин еще не успел.

Инструмент по столярням собран,
точно лика, обстругана трость.
Карабас, наш приятель добрый,
спросит с улицы: "Удалось?"

"Завтра", — Карло, зевнув, ответит,
отвернется и захрапит.
Мы не скажем, он не заметит
как полено в печи визжит.

Замужняя женщина

Я читаю "Трех мушкетеров".
Муж работает полотером.
Мой сынок — хулиган матерый.
Я читаю "Трех мушкетеров".

Как прекрасна мужская дружба...
Муж дружков приведет на ужин:
перебьют половину кружек,
наблюют в туалете лужу.

Замирает дух от погони...
Зажимаю ноздри от вони:
ветер тряпки с помойки гонит
и швыряет на подоконник.

Но любовь совершает чудо...
Муж попросит — давать не буду:
пусть сперва помоев посуду
и зарплату вернет, паскуда.

Мне уже на пенсию скоро.
Сын, наверное, станет вором.
Оженить бы, смирить бы норов...
Я читаю "Трех мушкетеров".

ПЕРЕВОД С ИСПАНСКОГО

Книжной полке налево от секретера

Не разобьется за день
к солнцу летящая птица,
новых улыбок ради
высохнут мокрые лица.

(Утро, ясное утро —
белый цветок в петлице.)

Кто-то тебе ответит,
что-то тебе расскажут:
сбудется все, ведь летом
парки бросают пряжу.

(Полдень, богатый полдень —
яблок дареных тяжесть.)

Выйди к гостям. Исчезни
и воротись другою —
не колыбельной песней,
так ключевой водою.

(Вечер, неслепший вечер —
бабочки над свечою.)

Скорбную страсть потушит
легких касаний влага,
детский сон не нарушит
крик в далеком овраге.

(Полночь, чуткая полночь —
лампа, перо, бумага.)

НАТЮРМОРТ

Комиссии по национальному вопросу

Ярко-желтый лимон на невытом кухонном столе.
Мы живем под горячей и доброй полночной луной.
Благородный грузин каждый вечер танцует балет,
добродушный еврей кормит нас бесконечной мацой.

Отчего же не смоквы и не золотой виноград,
не волшебные яблоки тех запредельных садов?
Мы на хлеб обменяли дары мускулистых богов,
а бесплотных богов не встречали сегодня с утра.

Благородный сосед подарил этот желтый лимон,
добродушный сосед обещал нам компота сварить.
Очень шумен грузин. От еврея несет чесноком.
Жалко цитрус терять — но с соседями надо дружить.

НАД ПРИПЯТЬЮ

Экзотика

Июльский снег — моя отрада,
мне больше ничего не надо —
а только зонтик размякать
и меж озимых ананасов,
срывая элаки цвета кваса,
кругами ровными гулять.

Меня волчица не догонит:
она от пылкой страсти стонет,
скрестившись с дедовским быком —
их сын, рогатый и лохматый,
пускай живет, чтобы когда-то
мне пригодиться на прокорм.

И хватит всем тепла и света,
за осенью наступит лето —
дитя, мамаша, успокой!
Иду по речке, как по суше,
и пролетающим лягушкам
машу четвертою рукой.

Натуралистическое

В сером тумане земля обнажила бесстыдно
пролежни падали и бородавки дерьма,
речек и гор среди швов магистралей не видно,
где будет зелень — земля не заметит сама.

Рвутся во двор уцелевшие тощие кошки,
рвутся собаки с цепей и орет воронье,
"Радость моя", — шепчет сухе кобель понарошку,
мокрыми лапами зад обнимая ее.

Сушу плуги на сырые пласты нарезают,
рыбная мелочь всю муть поднимает со дна,
двое влюбленных на ржавый балкон выбегают,
он говорит: "Посмотри, как прекрасна весна."

• • •

Центральная авторская песня

Бродят тихие люди
по оголенному саду,
бродят ловцы иллюзий
с псами и птицами рядом.

Где ты, познавья древо,
где ты, дерево жизни?
Куча листвы — налево,
справа — воронья тризна.

Рай далеко отсюда,
речка не сходна с Летой,
братьям слепым не ссудишь
красную медь рассвета.

Так на клочки — бумагу,
за спину — пыльный город.
...И на плечо бродяги
сядет почтовый голубь.

• • •

Сочинил и исполнил Валеру

Пустая бутылка стоила двенадцать копеек,
полная — приблизительно два рубля.
Мы песни о счастье подолгу пели,
между словами вставляя "бля".

Забывтый вкус молока и еще непривычный вкус водки,
пестики и тычинки, обжитый подвал,
танцы, агитбригады, мода на цветные колготки, —
кто-то, нам неизвестный, нашу музыку сочинял.

Раз в год соберемся, поставим на стол закуску,
натруженными руками пробку с бутылки сорвем,
приблудный лабух гитару на пол опустит,
выпьет и скажет: "Красиво, братцы, живем!"

Экспроприация

Синее небо навстречу, вихри со всех сторон,
мысль о садах висячих в маленьком огороде.
Пахнет дождем, землю — так же пахнет свобода:
выйди, повелитель, выйди на светлый балкон.

Люди уже толпятся, стража держит заслон.
Платья, костюмы, шляпы, лысины, шевелюры.
Ты демократ де-факто, грозный тиран де-юре, —
выйди, повелитель, выйди на светлый балкон.

Руки твои над нами — о, невозможный сон:
ты открываешь двери с невозмутимым видом.
Сняты перила, балки подпилены — выйди,
выйди, повелитель, выйди на светлый балкон.

СКОТЫ И ТВАРИ

Общаясь замышляю животных

I. ПЕСНЬ О ПТИЦЕ

Вороненок был глупая птица, он жил на погосте в кленах
и каркал, кружась сверху, на бродячих людей и собак,
под звуки церковного хора учился птичьим полетам:
все ангелы сторонились несокрушимого лба.
А к полночи отправлялся соревноваться в пении —
летел за верной победой к чужим заречным лугам:
люди внизу на вороньем не понимали Шопена,
но плакали музыканты на ветках, в вороньих кругах.
Ты думаешь, брат напрасно носил вороненку крошки
и перевязывал на ночь хрому ворону-мать? —
Когда меня хоронили, вороненок на крышке гроба
сидел и слушал мелодичный траурный марш.

II. РАЗГОВОР С ЧЕТВЕРОНОГОЙ ПОДРУГОЙ

Заходите, дорогая, — я сварю вам кофе с пенкой:
пусть в помойках шарит неформал.
Вы бесхвосты? И больны? И неловки на ступеньках? —
Ну, не мне же к вам ползти в подвал!

Общих тем у нас довольно — взять хоть наших прошлых милых:
помните, встречались у реки?
Васька вас сопровождал, а меня Петров Василий —
все мужчины, в общем, дураки.

Побеседуем о жизни: я вчера статью читала
о повадках полевых мышей.
Поболтаем о кино: вы, я знаю, в кинозале
часто спите возле батарей.

Поднимайтесь, не стесняйтесь, посидите хоть немножко —
приглашаю, отпираться грех.
Фу, какая чепуха, кто же шапки шьет из кошки —
разве это, извините, мех?!

III СОБАЧЬЯ СВАДЬБА

Никто не помнил номер двора,
но где свернуть, понимали сразу:
цвели гиацинты и флер д'оранж
на месте разрушенного унитаза.

В зубах фокстерьера трещал контрабас,
тимпаны ныли, болонки пели,
взасос лакали колесную мазь
лохматый фавн и жирная пери.

Жених вспоминал прошлогодний май
и блох из-под мышки выщелкивал грустно,
невеста глотала китайский чай
и делала вид, что ужасно вкусно.

Потом кто-то пьяный кричал нам "брысь",
потом мы прыгали через ограду,
и Шарик сказал мне, что это жизнь,
и я согласилась, что так и надо.

БЕССОННИЦА

Генеральским небесам

Это очень легко понимается даже дебилами:
есть у мам молоко, мужики защищаются вилами,
ночью скрытое солнышко утром на небо стремится
и гранатовым зернышком можно во сне подавиться.

Я иду в темноте, где ни мамы, ни вил с мужиками,
не построили стен населявшие сумрак веками,
только вихри проносятся, в такт им колышутся своды,
и, как водится осенью, — отступают земные заботы.

Остается забыть запах пряный увядших растений —
и веленья судьбы продиктуют бесстрастные тени.
— Здравствуй, милая девушка. К нам такие давно не спускались...
По губам холодеющим сок гранатовый тихо стекает.

Уралогосип

Параллельные миры
бесприютны и стары.
Чьи-то тряпки треплет ветер,
исподлобья солнце светит,
кот лежит в помойной куче,
малолетка муху мучит,
отрывая крылья ей,
чтоб жужжала веселей.

Параллельные миры —
треугольные дворы.
В них собака-пустолайка
у хозяйки просит пайку,
бьются насмерть хулиганы
и балдеют наркоманы,
а в пивнушке за углом
пьяный мат стоит столбом.

Параллельные миры —
хуже не найти дыры.

Контрактёрам

Холодные блики на пыльном стекле дрожат,
случайные люди сидят за белым столом,
ботинки и туфли стоят у порога в ряд:
у нас есть прихожая, значит — у нас есть дом.

Бродяга и рыцарь здесь бросил замшелый плащ,
разбитые латы ржавеют в дальнем углу,
безлицую маску повесил на гвоздь палач
и сохнут на печке овчинные шубы слуг.

И рядом с кирзюю свернулся в клубок сафьян,
забытые жезлы мешают гостям ходить.
И тот, кто сегодня со скуки напился пьян,
наденет чужое и станет иначе жить.

А в комнате шумно: палач произносит тост,
крестьянин и рыцарь сцепились на брудершафт,
и старенький карлик пошел от коктейлей в рост,
и ядерный физик рисует лунный ландшафт.

Гостей принимаю, несю пироги на стол,
по новой пластинке рыкаками ползет игла,
такси вызываю и мою в прихожей под,
глотаю холодный кофе и думаю: ночь прошла.

ОХОТНИКИ ЗА ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ

Наркисогал

Утомились глаза от зеленого и бирюзового
и ладони устали округлости осеять.
Отдаем за молчанье сочтенное наскоро золото
и уходим опять.

Но трава зеленеет и небо, как прежде, лазурно, —
разве только оттенок изменит не наша листва,
разве только поярче засветятся кольца Сатурна, —
будет, что забывать.

Босиком ли по лугу, голышом ли в полях конопляных,
с бодуна, с вдохновенья, с короткой, как простынь, любви,
мы уже приходили на остров чудес и обманов —
как уныл его вид!

Хоть бы что-то еще: смерть орла над бушующим морем,
говорящие рощи, раскаленное солнце в горсти, —
мы готовы услышать миллионы правдивых историй,
расплатившись молчаньем — больше нечем, увы, заплатить.

... * * *

Собираю камни урочищ

Пусть спешат пенсионеры,
моряки и пионеры
по проселкам и шоссе —
я возьму еды немного,
чтобы, выйдя на дорогу,
на большой валун присесть.

Это будет перелупье —
не из тех, что помнят люди
по словам богатырей:
нет угроз на поворотах,
за кустами — огороды,
в огородах — сельдерей.

Кто направо путь направит,
тот увидит, как на травке
овцы толстые лежат.
Слева — сельская больница,
тот же, кто вперед стремится, —
в ателье сошьет пиджак.

Мне сигналият легковушки,
а нарядная старушка
глаз косит из-под платка:
камень мой — не указатель —
дачу строил председатель,
уронил с грузовика.

Разложу газету рядом,
сверху — кружку с лимонадом,
бутербродов штуки три —
и, ко мне подкравшись сбоку,
кто-то спросит ненароком:
"Далеко ли здесь Париж?"

Построить скворечник, кормить голубей,
весною горланить: "Грачи прилетели!" —
коснувшись подушки, парить над постелью,
а утром насвистывать, как соловей.

Сплести на досуге надежный батут
и, если неймазся порой предрассветной,
повыше подпрыгнув, крутить пируэты
и чувствовать: крылья почти что растут.

Но манит, как прежде, бесплечный удел:
на крышу подняться, ногой оттолкнуться,
над самой землей на миг обернуться
и голос услышать: "Красиво летел".

I. РАБ БОЖИЙ

Сначала за ночь зарезать сто петухов,
чтобы некому было на рассвете прокукарекать,
потом под утро выйти к речке обмыть кровь
и на том берегу разглядеть петушинные гребни.
Заплетающимися ногами к стоянке врагов бежать,
чтоб Учителем сказанное выполнить до рассвета
и, уже отрекаясь, еще о кресте мечтать,
и навек запомнить крик петуха победный.
Весь день проплакать, чтобы слышали люди плач,
и вину свою громко рассказать досужим мирянам.
А потом жить дальше, продолжая Его дела,
и гордиться былым: предавать — не всем доверяют.

II МОЛИТВА ИУДЫ

Обернись — жду, смиренный, над глазеющим полем.
Разглядевшего небо
не по-здешнему смерть.
На гвоздях — твои руки, над Голгофою — голос:
открывают стучащим и толкающим дверь.

Обернись — о прощенье мне ль молить на коленях?
Виноват ли высокий,
что сгибаться не стал?

Жизнь спасет покоренный, путь в бессмертие — верный:
без креста и Иуды разве вспомнят Христа?

Обернись — я с бессмертьем свел тебя не за деньги:
тридцать стертых монеток заржавеют в крови.
Без Иисуса Иуде —

что без пламени — тени:
надо мной занесенный нож мой — благослови!

III. ПОБЕДИТЕЛЬ

Рать моя, тише шепот — мне не нужна слава.
Жду вас на прежнем месте после исхода дня.
Каждый из вас слышал клич: "Свободу Варавве!" —
каждый из вас понял: верит народ в меня.

Сказки для нищих духом сильным не свяжут руки,
пусть старики рвутся в теплый загробный рай —
нам же даны шансы вместо бесплодной муки
освободить от мрази свой оскорбленный край.

Мытари и блудницы пусть преклонят колени,
пусть повторяют дети заповедь "не убий" —
месть во имя народа выше всех повелений:
зря ли у края гроба я остановлен был?

Знаю: когда наступит час великой расправы,
и отвечать придется всем на один вопрос,
будет мне голос с неба: "Здравствуй, мой брат Варавва!" —
я же небрежно брошу: "Здравствуй, братан Христос".

IV. ЕВАНГЕЛИСТ

Конец. Могила завалена. И что нас не видели — к лучшему,
ведь тяжкий груз неподсудности

— не для рабьих поникших плеч.

Тебя помяну я, Боже,

— здесь, правда, лишь камни слушают,
но мне самому силы вернет надгробная речь.

Спасибо тебе, Покойник, что жизнь твоя быстро кончилась,
что мертв ты, как все покойники,

и что труп твой я видел сам:

кому-то бывает нужно в припадке молитвы скорчиться,
а мне на ничье небо приятней поднять глаза.

Покойник, тебя запомнят: за смерть заплачу тебе славою.
Опять тебя Богом сделают мной написанные стихи.
Пусть будут слова ложью — поверят в них люди праведно,
сама же поставив точку, я сам отпущу грехи.

V. ПИЛАТ

Убивают Христа — что ж, пускай убивают Христа,
я же руки умыл, мой закат по-прежнему ясен.
Лик над белым крестом отрешен и почти прекрасен,
а ко мне от Голгофы те же птицы, что раньше, летят.

Он на бога похож — пусть рисуют рабы до утра,
темнолиц и суров, не лета каким-то Вараввам...
Я же руки умыл, я Христа приказал поставить
выше всех над дорогой, чтоб красивей ему умирать.

Пусть Варавва живет — у Голгофы волшебный вид,
с ним бы было не так,

хоть и столько же смертных стонов...

Я же руки умыл, и вода на складках хитона
так сверкала, как жемчуг

в жарко-красной, карминной крови.

РИФМЫ ВЕЛИКОЙ СУШИ

Алишбаки Титини

I

Высокий бархан никогда не остынет,
двигаясь следом за жарким светом,
и мне — песчинке в бескрайней пустыне —
остается повиноваться ветру.

В чьих-то глазах пески изменяют форму,
в чьих-то ушах — наше тихое пенье.
Мы везде и всегда, нас не остановят корни
путешествующих растений.

Солнце с нами! Привала вовеки не будет —
светлые дали влекут нас неодолимо.
А редкие путники — да что нам какие-то люди! —
обычно проходят мимо.

В стороне остановятся, достанут флаги...
Выражения лиц случайны, язык неведом...
Путь излечит меня от постыдной тяги
замереть в полукружьи следа.

II. У КОЛОДЦА

Ну, не двигайтесь, что ли, — я не знаю, как лучше запомнить
это солнце, песок, эти тени на камне двора,
складки меха и ткани, взгляд верблюда усталый и томный
и погонщика взгляд, где застыл прошлогодний мираж.

Здесь давно нет хозяев, но по-прежнему сходятся тропы
и неожиданная встреча может строчкой в истории стать.
Неужели мы снова примем дом за ничейный некрополь,
и забытый Иосиф будет тщетно спасителей звать?

...Что им жалкие просьбы: никого не видать у колодца —
растворились вдаль, даже не повернувшись ко мне.
Нет воды под землею — только стон из-под ног раздаётся
и верблюд мой печально ловит тени на высохшем дне.

БЕРЕТЕНЧИЙ РАЙ

III. ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

Анжраден У

Мимо владений всех поколений — вечно в пути
пылью дорожной, вестью возможной — только катись.
Семя уронишь, в речке утонешь — вовсе не жаль:
остановиться, укорениться — это печаль.

Путник усталый ищет привала — просто смешно.
Ветру отдаться, чтобы скитаться с ним заодно.
Сразу науку скорой разлуки не преподать,
но не поверишь тем, кто намерен двинуться вспять.

Дети остались между кустами — срок их придет —
тоже забудут, кто и откуда звал их вперед,
лишь расставаясь, в прах рассыпаясь где-то вдаль
спросят дорогу с прежней тревогой, правда ли шли.

IV. МЫТАРЬ

Рыбаки, плотники, фарисеи
и даже сам Иисус Христос
матерят привычно, легко и рассеянно
тех, кто поверил царю всерьез.

Тех, кто бредет по большой дороге,
распространяя холодный звон.
Тех, кто горой за добро народное,
но без взаимности испокон

века. И только тигрица в чаще
или змея на сухом песке
напомнят, что солнце еще настоящее
и сила осталась в правой руке.

Да стройная девушка в тонких одеждах
похлопает весело по плечу:
"Смелее, дружок, не теряй надежды —
я тоже податей не плачу".

V. ИЗДАЛЕКА

Где-то в оазисах, где-то на тучных полях
всходишь, растешь, наливаешься солнечной силой
и вопрошаешь: отпустишь меня, земля? —
и вспоминаешь, так ли когда-то было.

Вот — оторвалась, и облако ветер несет
мимо селений, вдоль по дороге песчаной.
Скоро свершится: к смерти готовый народ
горсти протянет, чтобы воскликнуть: "Манна!"

Падаешь наземь. Тьма над пустынею Син.
Шум автогонки зловещую тишь не рассеял.
Только помешанный, в продранных джинсах, равнин
хрипло кричит: вернись, народ, к Моисею!

VI. ОЖИДАНИЕ

До воды не добраться. Раскаленный прибой
окружает тебя звоном желтого праха.
Скоро высохнут корни. Но внизу, под землей,
останется влага.

Не сиять над округой молодою листвою:
серебристый покров опадет — только троньте.
И зеленым не станет. Но опять за горой
поднимется солнце.

С пыльной бурей умчатся ветви кроны густой.
Вешний ветер, тебя обыскавшись, разбудит
лишь бревно у дороги. Но, быть может, весной
появятся люди.

ОБРЕТЕННЫЙ РАЙ

Евсей Шонин

Прошлое поделено
пополам.
Посидим под деревом,
мой Адам.

Ни к чему нам яблоки,
помним вкус.
Полюбуйся каплями
на боку.

На боку сверкающем
темный след.
Щиплет травку, кается
старый лев.

Вспомним были-небыли,
деток смерть.
Больше только в небо нам
не смотреть.

Слышишь — клич охотников,
треск костра.
По шатрам расходятся
до утра.

Паровозы, фабрики,
корабли
сортируют яблоки
всей земли.

Скоро здесь достанут нас
провода.
Может, срубим дерево,
мой Адам?

ПЕСНИ СОРОК ВТОРОГО МАРШРУТА

Альбому № 18

ПАРТИЯ ПАССАЖИРА

Мой троллейбус идет по окраинам,
через центр вообще не проходит —
положение это правильным
признается у нас в народе.

Прочно связаны крепким проводом
наши спальни и проходные,
и министры не ищут повода
захватить места боковые.

Люди здесь простые, сердечные:
только кажется, что толкают,
а всерьез упадешь на встречного —
сразу шесть тебе предлагают.

И сидишь. И билет не требуют.
За окном темно и надежно,
магазины открыты хлебные,
и в подъездах тепло до дрожи.

Что неоны нам, что нам площади,
что нам сказки про депутатов:
в лесопарках пасутся лошади —
вот пример, как жить на зарплату.

Раз сказали: вози, мол, новости,
все разведай и не напутай.
Я помылась, оделась в новое —
не нашла до центра маршрута.

ПАРТИЯ ШОФЕРА

К нам заедете - смотрите, но не слушайте -
к кроме мата что хорошее услышишь?
Здесь, конечно, происходит много случаев
да писатель переехал, не опишет.

Вот подъезд. Вот мост. Вот улица Желанная:
здесь в субботу было жарче, чем на фронте.
Полководцы наши в бой идут без знамени —
вы их в темном переулке не троньте.

Вот пивная. На крыльце сидят философы
жизни как полета к ангелам под мухой:
я седею, если снится под колесами
мирный труп Хайдеггера Андрухи.

Вот роддом. Вот загс. Вот церковь. Кладбище.
Всюду близко и фотограф на тропинке.
Выходите — жизнь зачтется, если складывать
по коробкам для потомков фотоснимки.

ПАРТИЯ ХОРА СОЛИСТОВ

Над продавленным сиденьем — гладкий руль,
не назначен мне начальником маршрут,
кто боится — выходите подобру:
мой троллейбус не описывает круг.

Я не знаю, до чего доедем мы:
до вокзала, до дворца или тюрьмы.
Догорает путеводная звезда
и уже почти не держат провода.

Путь наш верен — где-то рядом ищут нас,
освещают даль зарницы ваших глаз,
ничего, что по дороге тулики:
крылья нашего троллейбуса легки.

Выше, выше — город скрылся за спиной,
как ты добр, недостижимый Боже мой.
Вот сейчас хорал небесный запоет,
чтоб дорога увела за окоем.

...К сожалению, не скоро я умру.
К сожалению, отказывает руль.
Не кричите, не зовите медсестру:
мы по мягкому катаемся ковром.

...

Победителям и неудачникам

Черный ангел кружит, словно ворон,
белый ангел — как белый орел.
Нет раздора и нет уговора —
просто ангел на ангела зол.

Я-то, птицы, вам чем виновата,
что дежурите ночь напролет?
Не хочу ни в обитель разврата,
ни в свирепый крестовый поход.

Что за прок мне в чужих палестинах
быть судьей в петушинных боях?
Посмотрите — пасется скотина,
пахнет негою сено в лугах.

Где тут пекло, где просто зарницы,
в небесах, за столом ли поют?
И садятся несытые птицы,
и синицами крошки клюют.

Посвящается прочим

ТЕКСТЫ, н

е

в

к

л

ю

ч

е

н

н

ы

я

собрание

сочинений

в Неполюе

...

Великий диалектикан

По асфальту расходятся трещины,
но из них не растут растения —
только сточной канаве мерещится
океанское воскресение.

Это небо чистым задумано:
видишь — облако, видишь — дерево,
помнишь — ветра дыхание шумное
и соленой воды — не меряно?

Все там умные и красивые,
жизнь простая и непорочная:
хочешь жить возле моря синего? —
Так ныряй же в канаву сточную!

Чад нездешний вдыхая истоиво
под трамвайное завывание,
мы опять за дорогой мгlistою
разглядим черты мироздания.

...

Социальный инстинкт

Покажите мне птицу пеночку,
покажите мне куст ольхи:
разнесу я амиг блоки-стеночки —
все мы, девушки, от сохи.

Выйдешь во поле — там березонька,
на Тамбовщине воет волк,
парни бешутся — девкам слезоньки,
но из Ванечки выйдет толк.

Запряжемся мы — и по полюшку:
станет нива, где был пустырь,
будет хлебушек, будет солюшка
и наследничек-богатырь.

Вволю каши сварю березовой,
надою молока-сырца,
а Ванюха на зорьке розовой
словит камбалу на живца.

Прикилим к земле — не оттащишь нас,
засияет за далью даль,
хочешь — вскармливай, хочешь — взращивай!
...Не растет на асфальте, жаль.

Сексология

Ах, если бы люди были как цветы!
Из оперетты

Жизнь понимает каждый,
только когда созрел:
я — молодая ромашка,
ты — волосатый шмель.

Ты на меня садисься,
от нетерпенья жужжа.
Охнув, склоняюсь ниже —
к небу летит душа.

Сок из меня ты тянешь,
так шевелись быстрее!
Слаще в гортани станет,
станет цветкам теплой.

Все. Улетел негодник,
не повернув лица.
Но, сквозь разлуки горечь,
в теле поет пыльца.

Двигается внутрь неспешно,
жизненных сил полна,
и — постарался, грешник! —
вдруг достигает дна.

Здравствуй, момент экстаза!
Дам семена — держись:
кто не рожал ни разу —
не понимает жизнь.

Сексологический

Смири, приятель, огонь желаний,
не пей так много за наш союз.
Все это было. В афинской бане
собрались как-то любители муз.

И, лиц соседей не различая
(все одинаковое у всех),
один сказал:

— Хорошо, я чаю,
Зрато встретить бы для утех.

— Нет, мне приятнее Терпсихора,
другой ответил. — Тонкая стройна,
к тому же, видимо, очень скоро
в объятьях двигается она.

— А я так предпочитаю Клио, —
признался третий. — За пышность форм,
надежность стана, округлость линий
и для фантазий моих простор.

— Люблю неспешную Каллиопу!
— Уранию — за близорукий взгляд!
— Эвтерпы милой узкие стопы!
— А я бы жил с девятью подряд.

Глядели музы в тусклые стекла
и, пальцы ломая на влажных руках,
дивились:

— Что мы находим, тетки,
в этих испорченных мужиках?

Сотражданан

Королеве Елизавете не налили квасу —
королева вся побелела от гнева.
Для злодейства повод любому ясен:
не нашлось стакана для королевы.

Королеве Елизавете чулок не досталось —
от обиды она прорыдала месяц.
А народ кричал: мы таких королев видали,
эдак всякий без очереди полезет!

Королеву Елизавету задушили в трамвае.
Полстраны собралось на ее поминки.
И принцесса, трамвайных убийц ругая,
угощалась жадно лососевой спинкой.

Сунцифологика

Автобусы не едут, троллейбусы не мчат,
сирены "скорой помощи" затравленно молчат
и даже поливальщики остались без труда —
лишь честные трамваи не бастуют никогда.

В трамвае можно завтракать, гулять и танцевать,
готовить диссертации и роды принимать.
Вагончики несутся, сверкают провода:
веселые трамваи не бастуют никогда.

Я лягу между рельсами, калачиком свернусь
и звона беззаботного, закрыв глаза, дождусь.
Трамвай меня накроет, как пляжная вода, —
ведь добрые трамваи не бастуют никогда.

...

Рисологан-избрамендан

Мой приятель из города Гомеля
забавляется с трепетным гомиком:
гладит узкую грудь
и, не дав отдохнуть,
без штанов выгоняет из Гомеля.

Мой приятель из города Питера
снова утро встречает в подлуньи:
мрачно гадит в Неву,
а затем наяву
видит бесов — охранников Питера.

Мой приятель из города Лондона
провожает улыбкой голодную
от шампанского лед
и куриный помет,
уносимые стоками Лондона.

Я сижу над рекою Немигою,
вспоминаю их образы милые.
Как приятно в стихах
помечтать о друзьях
над моей безопасной Немигою!

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ

Адаптированные и дезадаптированные

Приступим, времени не тратя,
посмотрим вниз: ласта, скамья,
ты у окошка, мой читатель,
в другом окне, напротив, я,

и, возвышаясь над скамьей,
герой неизданных поэм,
гранитной мыслит головою
бессмертный Бехтерев В.М.

Он гениальный врач душевный,
он мозг достанет и спасет.
Гаврила, параноик гневный,—
и тот цветы ему несет.

А рядом — толпы пациентов:
ведь все хоть чем-нибудь больны.
Спускайся, пользуйся моментом —
мы познакомиться должны.

II

Быть маразматиком веселым,
есть лук для поддержания сил
и деток забирать из школы,
как будто в школу сам сходил.

Вышагивать по скверу чинно,
как будто не тебя ведут,
играть в лошадки и в машины,
что пепси-колу продают.

Лежать в траве. Смотреть на звезды.
Проходим кланяться котам.
Стрелять прозрачным взглядом грозно
по шевелящимся кустам.

И Бехтерева лик суровый,
еще глядящий свысока,
приветствовать, как вечно новый
лик Бога, доброго пока.

III

Жить с поврежденной головою,
с осколком черепа в мозгу,
свет солнца, смоченный росой,
ловить на утреннем бегу

и тем быть сытым. Умиляться
поломаным рукам, ногам.
Над эскулапами смеяться:
врачу, мол, исцелился сам.

И говорить об озареньи,
кострами озаряя дом,
и проповедовать смиренье
друзьям-пожарникам потом.

И снова бегать. Через скверик
тропинка к бюсту приведет,
и Бехтерева в тебя поверит
и, может даже, подмигнет.

IV

Быть шизофреником печальным,
знать гегельянство и марксизм,
грызть хлеб, не выходя из спальни,
и горевать про коммунизм.

Писать рассказы на досуге,
на стенке их публиковать
и на недавнюю подругу
напрасно заявлять права.

Бродить по улицам ночами
и в избирательной борьбе
противников громить речами,
взывая пламенно к себе.

И, Бехтерева бюст минуя,
его тогда лишь замечать,
когда он птичьим поцелуем
поставит гения печать.

V

Быть эпилептиком изящным,
предпочитать икру сластям
и соплеменников пропавших
звать к новым, лучшим небесам.

Долой нагретые постели —
уже затем не стоит спать,
чтоб муки немощного тела
в высокий свет перелагать.

Вот генератор. Вот контакты
к ногам, рукам и к голове —
готов невиданный реактор,
раскинувшийся на траве.

Приладок грянет — убедятся
все, в сквере ждущие зари,
что от конвульсий загорятся
над Бехтеревым фонари.

VI

Красивым, умным быть маньяком,
детей хорошему учить,
ловить в ручье усатых раков
и с ними минералку пить.

С новейшим фотоаппаратом
тайком по скверу гулять
и, вспышку в рукаве припрятав,
бюст во всех ракурсах снимать.

Вернуться. Сделать отпечатки.
Зажечь фонарик под столом.
И Бехтерева нос украдкой
дрожащим вырезать ножом.

Взглянуть в окно. Стоит, калека —
безносый, каменный, немой —
хребет живому человеку
дробя кровавою ноздрей.

VII

Угрюмым быть олигофреном,
точить болванки у станка,
закусывать картошку хреном —
и чтоб не дрогнула рука.

В своей обшарпанной общаге
эспандеры в ладонях мять,
читать газели, хокку, саги —
и ни черта не понимать.

Ходить на танцы в воскресенье,
мечтать о добром и простом,
борясь с внезапным вождельем,
крошить булыжник кулаком.

И знать: у Бехтерева бюста,
что занял скверик на века,
однажды в шее что-то хрустнет —
не дрогнет верная рука.

VIII

Быть легитимным президентом...

Начало 1994.

Снег интересен синоптикам и снеговикам,
мне же милей поземка, чтобы следы заметала.
Этот полночный ветер даст мне избрать из карм
лучшую, если осмеюсь сбросить с себя одеяло.

Ночью не видно стекол, ночью только метель,
небо, как флаг заморский, кажется полосатым.
Шаг — и свобода рядом: нянька, меняя постель,
завтра придут другие, чтобы покрыть утрату.

Храм размышу под утро, кто-то откроет дверь,
стану служить за угол и за тарелку супа.
Будут в притворе окна. В них — полосатый рассвет,
вечный, как светлое завтра, что непременно наступит.

Список посвящений

Паровоз

Посвящается отечественному книгоизданию 3

Человеческий документ

Посвящается моим знакомым 7

Вдохновителям	8
Хорошим девочкам из глубинки	9
Школе юного философа	10
Энтузиастам ролевых игр	11
Преподавателям ролевых игр	11
Поедателям трав	12
Оптимистам	13
Мученикам переходного возраста	14
Пионерам трассы	15
Жителям гуманитарных кварталов	16
Спорщикам	17
Романтикам революций	18
Классным дамам	19
Девственникам	20
Подругам из кружка английского	21
Поклонникам русской литературы	23
Идейным наставникам	24

Неполное собрание сочинений

Посвящается моим собеседникам. 25

Тем, кто дочитал досюда	26
Вечным студентам	27
Провалившимся на вступительных	28
Ударникам труда	29
Апостолу Андрею	30
Долгожителям	31
Учителям единоборств	32
Юным литераторам	33
Народным писателям	34
Любителям эмигрантской лирики	35
Одиноким мужчинам	36
Замужним женщинам	37
Книжной полке налево от секретера	38
Комиссии по национальному вопросу	39
Экологам	40
Натуралистам вообще	41
Ценителям авторской песни	42

Соученикам и Иоганнесу Бехеру	43
Экспроприаторам	44
Обществу защиты животных	45
Генеральским невестам	47
Урологам	48
Кожтактерам	49
Наркологам	50
Собирателям архетипов	51
Летчикам и дельтапланиристам	52
Читателям книг	53
Любителям тишины	56
Естествоиспытателям	59
Автобусу N 18	60
Победителям и неудачникам	62

Тексты, не включенные в неполное собрание сочинений.

Посвящается прочим 63

Великим диалектикам	64
Социальным мыслителям	65
Сексологам	66
Сексопатологам	67
Согражданам	68
Суицидологам	69
Филологам-извращенцам	70
Адаптированным и дезадаптированным	71
Посвящается Вам	75

Для автографов читателей

Для Вас, соавтор

Текст, который вы видите на этой странице, является частью произведения, созданного с помощью программы Microsoft Word. Этот текст был автоматически сгенерирован и не содержит никакой информации. Если вы хотите узнать больше о продуктах Microsoft, пожалуйста, посетите наш веб-сайт по адресу www.microsoft.com. Мы рады помочь вам в решении любых вопросов, связанных с нашими продуктами. Спасибо за использование Microsoft Word.

Текст, который вы видите на этой странице, является частью произведения, созданного с помощью программы Microsoft Word. Этот текст был автоматически сгенерирован и не содержит никакой информации. Если вы хотите узнать больше о продуктах Microsoft, пожалуйста, посетите наш веб-сайт по адресу www.microsoft.com. Мы рады помочь вам в решении любых вопросов, связанных с нашими продуктами. Спасибо за использование Microsoft Word.

Литературно-художественное издание.

Куновская Марина Эдуардовна

Second Hand

Тексты в буквах с картинками

Стихотворения

Автор иллюстраций

Светлана Ветрова

Ответственный за выпуск

Игорь Полевиков

Оригинал-макет автора

Подписано в печать 20.07.1998 г. Формат 60×90 1/16.

Гарнитура Гельветика. Бумага офсетная.

Усл.-печ. листов 5. Тираж 200 экз.

Издательство "Виноград", ЛВ N 100, декабрь 1997 г.

220030, г.Минск, ул. Кирилла и Мефодия, 7.

Тел (017) 227 71 21

Отпечатано на принтере.

Мы идем шрафь за газ,
где стекляшки на асфальте
ослепительно сияют
и в шрафе не светит жуков.
Вы, бабуси под окном,
как шницонки, вслед не палытесь -
мы вернемся без шарани
и ужасных сыняков.

Мы идем шрафь за газ,
и в шре не дурей секса,
и в шре не дурей даже
пришнелаться кулаки.
Трусство стаянть нустьяком
все послуживше рефлекси,
трусство дурей все движенья
показательно легки.

Мы идем шрафь за газ

Блестящие гады ползут на ночлег
сквозь травы горит чешуя.
Я черные блики ловлю на стекле
и в страхе притихла семья.

Готовь молоко - не готовь молоко -
а на зиму змеи уйдут.
Холодный советчик в борю далеко
забудет вчерашний уют.

Холодный советчик сквозь сон не
шепнет -
мол, месть замышляет сосед.
Роса выпадает, рассвет настает
и в травах теряется след.

Я старую скрипку со стенки сниму,
смычок заскользит по струне,
я гадов оплачу и ясно пойму,

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ